

«...ТАКИЕ ЛЮДИ НЕ ЧАСТО ЯВЛЯЮТСЯ...»

Ты не забыта мною, моя далекая родина, Сибирь...
Н. Полевой

«Венчается раб Божий Алексей рабе Божьей Наталье...» — эти слова были произнесены более двух веков назад в одном из иркутских храмов.

От этого благословенного Всевышним брака курского купца Алексея Полевого и иркутской мещанки Натальи Верховцевой родились три известных писателя, оставивших заметный след в русской культуре XIX в.: Екатерина, Николай и Ксенофонт Полевые. Был еще сын у четы Полевых — Евсей. Он единственный из братьев продолжил семейное дело и остался купцом. Но так сильна в крови Полевых любовь к словесности, что потомки Евсевия Полевого, волею судьбы оказавшиеся в Америке, — профессиональные лингвисты и литераторы. Сергей Александрович — профессор русского и китайского языков. Леонид Сергеевич, его сын — много лет преподавал язык, литературу и историю России в американских вузах. Следуя велению сердца, он завещал семейную библиотеку своей далекой родине — Иркутску.

Существует семейная легенда, что прозвище «Полевой» получил их предок времен Вещего Олега как герой на поле битвы. Он победил печенежского богатыря в единоборстве, чем спас свое маленькое княжество от полонения (1). Другой точки зрения придерживается исследователь Б. П. Полевой, предполагаемый дальний родственник иркутских Полевых. Он считает, что фамилия «Полевые» происходит от обширной местности «Поле» — старинного названия Украины. Именно поэтому многие переселенцы из Украины получали в «подарок» от россиян благозвучную фамилию «Полевые» (2).

«Наш род Полевых был одним из старинных и почетных посадских родов в Курске, — писал в своей автобиографии Николай Полевой. — Какой-то дух предприимчивости отличал моих предков среди тогдашнего купечества».

В XVIII в. Иркутск становится центром по освоению Северо-Восточной Азии и Тихоокеанского региона. Отсюда отправляются экспедиции, здесь создаются промысловые компании на паях. И надо отметить, что риск, связанный с морскими вояжами, зачастую оправдывал себя, поэтому купцы с большим желанием вкладывали деньги в эти предприятия. Так, значительно увеличили свои капиталы Трапезниковы и Сибиряковы, Киселевы и Мыльниковы. Занимался торговым промыслом родственник А. Е. Полевого курский именитый гражданин И. Л. Голиков, финансировавший в свое время первую экспедицию Г. И. Шелихова. В 1781 г. в Иркутске рыльским купцом Г. И. Шелиховым и курским купцом И. Л. Голиковым была создана на паях Северо-восточная компания, позднее преобразованная в Российско-Американскую (РАК). Основной ее целью было закрепление за Россией американских территорий и введение монополии на всю тихоокеанскую торговлю. Доверенным лицом у И. Л. Голикова был его племянник А. Е. Полевой.

Прекрасные деловые качества позволили Алексею Полевому в 1790-е гг. стать полноправным компаньоном Российско-Американской компании, со всеми вытекающими отсюда последствиями. После смерти Г. Шелихова его наследники забыли о заслугах А. Полевого. Начался деж богато наследства. Но, не имея опыта в делах и поддержки со стороны правительств, вынуждены были идти на поклон к Алексею Евсеевичу. В 1802–1803 гг. он возглавлял Охотскую и Иркутскую конторы Соединенной американской компании, получив за весь свой пай в прежней РАК 100 тысяч рублей (3).

Здесь он принимал самое непосредственное участие в составлении учредительных документов, вел финансовые дела, а также неоднократно бывал в плаваниях и промысловых вояжах. Он даже сдавал часть своего дома под контору.

«Еще кровь его кипела деятельностью: средства казались неистощимы. Он завел выделку морских котов и на небольшие деньги, какие успел собрать, решился основать в Сибири фаянсовую фабрику...», — писал впоследствии Николай Полевой (4).

Екатерина Авдеева-Полевая

Ретроспектива нового предприятия А. Е. Полевого довольно интересна.

В 40-х гг. XVIII в. в Иркутске занимались опытами по производству фарфоровых и фаянсовых изделий посадские города Яренска, серебряники Андрей и Алексей Курсины. Заплатив баснословную сумму за рецепт фарфора, чертежи устройства фабрики и печи для обжига китайского уельца, братья потерпели полную неудачу при изготовлении первого же образца (5).

В начале 1800-х гг. А. Е. Полевой устроил на берегах реки Ушаковки дачу, где впервые в истории Сибири основал фаянсовую фабрику (мастерские) и с помощью поселенцев, бывших работников Императорского фарфорового завода, освоил выпуск фаянсовых изделий, изготовленных из фаянсовой массы, составленной из сибирских сырых материалов. К своим опытам он привлек знаменитого впоследствии Генриха Юлиуса Клапрота — путешественника и ориенталиста, который производил ученые изыскания в Сибири, находясь в Иркутске проездом с делегацией графа Ю. А. Головкина (6).

Весной 1811 г., в связи с намечавшимся отъездом в Москву, А. Е. Полевой продает мастерские иркутскому купеческому сыну Якову Солдатову, обучив его в течение нескольких месяцев ведению дел и изрядно «заразив» любовью к профессии.

В том же году Солдатов покупает стекольный завод, основанный исследователем Сибири Э. Лаксманом и купцом А. Барановым, где изготавливали стекло, фарфор и фаянс, объединив таким образом производства.

После смерти Солдатова фабрика была передана компании иркутских купцов. Фаянсовая фабрика А. Е. Полевого попадает в руки П. П. Сыропятова, который пы-

тается наладить производство. Глину ему поставили братья Переваловы.

Со временем фабрика перешла в руки Даниила и Филиппа Переваловых, которые основное производство развернули недалеко от своей деревни в месте впадения реки Хайтинки в Белую. Начались опыты по выработке фарфора: изделия получались необыкновенной белизны и чистоты. В 1869 г. новая фабрика начала работать. Так была основана фирма «Фарфорово-фаянсовая фабрика торгового дома Переваловых» (7). Дело, начатое А. Е. Полевым почти два века назад, продолжается и поныне.

Алексей Полевой (1759–1822), что и говорить, был личностью неординарной, деятельной. В Иркутске он прожил около 40 лет и оставил заметный след на этой земле. Помимо коммерции его интересовали литература, история, политика. Он выпускал много журналов, выходивших в то время в России: «Московские ведомости», «Вестник Европы», «Политический журнал» и прочие. Он мог выписывать также выходивший с 1790 г. в Тобольске журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрэну» (8). Журнал этот был вторым провинциальным журналом в России и выходил ежемесячно большими книжками до 60 страниц. Здесь помещались статьи по истории, переводы нравоучительных повестей, басни, стихотворения местных поэтов, печатался Сумароков, которым зачитывался в детстве Николай Полевой.

В семье Полевых и дети, и взрослые принимали участие в обсуждении последних политических, исторических событий. У них была неплохая по тем временам библиотека. Ксенофонт Полевой в своих «Записках» пишет, что не помнит отца своего без книги в руках, а мать называет «увлекающейся романами душой». Многие замечательные люди, бывавшие в гостях у Полевых, отмечали удивительные умственные способности детей. Понятно, что они развивались благодаря просвещенности и эрудиции родителей, особой атмосфере семейного быта.

Современники характеризовали Алексея Евсеевича как купца необычного, выделявшегося из общей среды своей начитанностью и острым умом. «Европейской политикой он занимался гораздо более, чем

Николай Полевой

Ксенофонт Полевой

азиатской своей торговлей. В нем была заметна склонность к тому, чему тогда еще не было имени и что ныне называют либерализмом», — писал о нем Ф. Ф. Вигель, который принадлежал к составу посольства в Китай и бывал в гостях у Полевых на даче (9).

«Помню отца моего в ту пору, уже с сединою в голове, но еще доброго, пылкого, горячего, деятельного, всегда в своем халате. Только теперь могу я оценить его необыкновенный ум, множество практических его сведений, его светлые мысли обо всем. Школа опыта и жизнь в свете ознакомили его с людьми, путешествия по пустыням Сибири с природою. Прибавьте к этому огромное чтение, память чрезвычайную, привычку мыслить, любопытство безграничное, шалость юности даже в преклонных летах, вспыльчивый характер, при младенческом сердце, умное, благородное лицо, с голубыми глазами, стройность тела, при некоторой тучности, веселость, дар слова, и вы очертите себе портрет отца моего», — вспоминал Н. Полевой.

Кстати отметить, что это чуть ли не единственное описание внешности купца А. Е. Полевого. Удивительно, что до сих пор не найден портрет человека, о встречах с которым и производимым им впечатлении на собеседника встречаем мы так много упоминаний в литературе XVIII—XIX вв.

Об иркутском периоде жизни у семейства Полевых осталось довольно много самых теплых воспоминаний.

В Иркутске Полевы имели два дома. Первый, в котором они прожили с начала 1790-х до 1805 г., находился в приходе церкви свв. Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев. Бывшая усадьба С. Петченина была вскоре обжита: построены добротный двухэтажный особняк, флигель, баня, служебные помещения. Именно здесь родились сыновья Николай, Евсей и Ксенофонт. Со временем просторы усадьбы расширились за счет покупки земельных участков по соседству у мещанина М. Манькова и священника И. Попова. В этой усадьбе А. Полевой с приказчиком Е. Черных занимались выделкой, пошивом, окрасом и отбором по сортам шкур морских бобров и мехов местных пушных зверей.

Описание иркутского купеческого дома оставила нам Е. Авдеева-Полевая: «Обыкновенно двор обносили высоким забором, что в Иркутске называют заплот; большие ворота были заперты засовом и отпирались только для проезда экипажей; для пешеходов была сделана калитка <...>. Передний двор вымощен бывал досками. Дома были высокие и строились в два жилья: вверх горницы, а нижнюю половину занимала кухня. Если дом был в одно жилье, то низ занимало подполье... Крыльцо делали высокое, внизу обнесенное решеткою, с дверцами; на крыльце были устроены лавочки; сени большие тоже со скамейками кругом стен и с двумя окнами... Посреди сеней была дверь в чулан, а позади чулана ход наверх. В иных домах были мезонины, которые называют в Иркутске чердаком... Горницы разделялись сенями на две половины; передняя на улицу, а задняя во двор. Из сеней входили прямо в горницу <...>. Комната обыкновенно разделялась надвое: за перегородкой была спальня, и стоял шкаф с посудой. В задних комнатах помещались дети <...>. Если не было кухни внизу, то она была выстроена во дворе, и тогда называли ее зимовьем» (10).

Как выглядели дома семейства Полевых, кто был архитектором, можно только догадываться, пока не найдены чертежи и подробные описания. Можно предположить, что они строились по проектам или под наблюдением А. И. Лосева. К концу XVIII в. он главный губернский архитектор. Он регулировал постройки всего города, и строительство домов А. Е. Полевого не могло произойти без его утверждения. Можно также предположить, что Лосев и Полевой были знакомы.

Страшные иркутские пожары уничтожили практически все дома на правом берегу Ангары. Сегодня единственным прототипом домов того времени является, пожалуй, дом Шубиных (ул. Лапина, 23). Но и он находится в плачевном состоянии. Памятнику архитектуры конца XVIII — начала XIX в. требуются реставрационные работы, иначе и он сгинет от нас в Лету.

Задумав организацию фаянсовой фабрики в Иркутске, Полевой продает дом в городе и приобретает обширную дачу на берегах реки Ушаковки. По иронии судьбы, ближайшим соседом в этом районе становится П. А. Курсин — сын А. И. Курсина, одного из братьев, занимавшихся фарфором в 1746–1747 гг. Именно о мельнице Курсина при плотине на реке Иде (Ушаковке) вспоминают Николай и Ксенофонт Полевы.

«Если кто из вас, друзья мои, будет в Иркутске, пусть пойдет он за город к тому месту, где близ старой, разрушенной мельницы вливается в Ангару Ушаковка. Тут извилистое течение этой речки приведет его к тому месту, где против него на луговой стороне будет старое Адмиралтейство — тут жил отец мой, тут были предметы первого мира; тут мечтал я, плакал над Плутархом, думал быть великим человеком, подобно великим людям, им описанным, горделиво расхаживал по лугу, уединяясь в тень деревьев, вдыхаясь первой любовью, делясь первыми ощущениями дружбы», — писал Н. Полевой (11).

«Отец наш во всем необыкновенный, не хотел жить в городе, выбрал удобное и прекрасное место вблизи его и отмежевал себе там обширное пространство, на котором в несколько лет вывел множество строений.... Посреди лугов и рощей, принадлежавших ему, протекала довольно большая река Ушаковка, впадающая в Ангару и образующая раздвоением своим в этом месте остров, который также принадлежал нашим владениям. Глядя на петербургские дачи и вспоминая о нашей иркутской даче, я оцениваю ее вполне. Не знаю ничего подобного из частных припетербургских владений... Там были и прекрасные виды на живописные, дикие окрестности, и река, роскошная для купанья и рыбной ловли, и множество мест для прогулок, для охоты, для всех невинных наслаждений, которые разнообразят уединенную жизнь», — отмечал К. Полевой в своих «Записках» (12).

Стоит ли удивляться тому, что Екатерина, Николай и Ксенофонт, впитав в себя всю прелесть и мощь сибирской природы, с детства научились наблюдать, размышлять и любить прекрасное.

Мы не затронули еще одной важной детали жизни того периода в Иркутске и губернии. Это произвол чиновников, в первую очередь ставленника генерал-губернатора И. Б. Пестеля — губернатора Н. И. Трескина и многих других. С прежним генерал-губернатором — Б. Б. Лещаном купец второй гильдии А. Е. Полевой был в дружеских отношениях. Борис Борисович даже водил его детей в театр, о чем писал Николай Полевой в воспоминаниях. При новом губернаторе положение изменилось. Может быть потому, что ситуация была так тяжела в финансовом и моральном отношении, Полевы решили покинуть Иркутск. Сначала они поселились в Курске, затем в Москве, но время оказалось не самым удачным. Это был 1812 г. Пришлось срочно покидать город. Имущество, нажитое в Сибири, сгорело вместе с Москвой. Впоследствии семья жила в Арзамасе, в Иркутске (1814–1817), затем опять перебралась в Курск на родину Алексея Евсеевича.

После смерти отца Ксенофонт напишет такие строки: «Не должны ли дети столь уважаемого, необыкновенного, умного отца, благословляя память его, сознавать в душе своей, что его разговорам, внушениям, его обществу, словом ему — обязаны они всею своею любовью к просвещению и образованности?» (13)

Из детей А. Полевого в Иркутске длительное время жила лишь Екатерина. Однажды встретившийся с ней И. Т. Калашников так описал впе-

чатление, произведенное на него: «...я был удивлен ее познаниями. Она прекрасно говорила и вела политический разговор о тогдашнем положении Европы — о чем иркутские дамы, за немногими исключениями, и помышлять боялись» (14). Она была замужем за иркутским купцом П. П. Авдеевым, с которым совершила путешествие по Сибири, бывала в Кяхте, о чем позже написала воспоминания. Рано овдовев, вела хозяйственные дела самостоятельно. Но, видимо, неплохо справлялась, потому что в книгах, где купцы объявляли капитал, Авдеева числилась в третьей гильдии (15). В Иркутске она прожила около 30 лет. Затем были города: Курск, Москва, Одесса, Дерпт, Петербург. Старшая сестра Николая и Ксенофонта была не только образованной женщиной, но и писательницей, фольклористкой, этнографом. Имея богатый практический опыт, она издала «Поваренную книгу русской опытной хозяйки», которая отличалась системностью изложения и описанием не только приготовления рецептов, но и внутреннего содержания и убранства кухни. Книга эта — настоящий бестселлер, переиздавалась множество раз, даже в карманном варианте. Последнее издание иркутяне могли видеть в сборнике «Вы ждете гостей» Восточно-Сибирского книжного издательства (1990). Сказки, записанные Авдеевой-Полевой, до сих пор, спустя почти 160 лет, читают матери своим детям! Это всем знакомые «Колобок», «Волк и Лиса», «Кот, Лиса и Петух», «Сказка о злой мачехе» и многие другие. Необходимо отметить, что тексты сказок с тех времен остались практически без изменений. Так легко и талантливо записала их фольклористка. Екатерина оставила после себя немало любопытных страниц по истории города Иркутска. В них она постаралась передать быт и нравы, увлечения горожан, описывает местоположение Иркутска, его природу и животный мир. И как неправа была она, написав: «Не мне, женщине без образования, делать ученые изыскания. Руководимая истинною любовью к отечеству, я приношу только ему свой бедный лепет». Сколько любопытных, полезных сведений сохранилось благодаря ее труду!

Издавать рукописи Е. Авдеевой-Полевой помогали братья. Главной своей целью она считала сохранение русской старины, ее основ. Вот небольшой, неполный, но весомый список изданных работ первой сибирской писательницы: «Записки о старом и новом русском быте», «Записки и замечания о Сибири с приложением старинных русских песен», «Воспоминания об Иркутске», «Еще отрывки моих воспоминаний», «Русский песенник, или Собрание лучших и любимейших песен, романсов и водеvilных куплетов известных писателей», «Поваренная книга русской опытной хозяйки», «Полная хозяйственная книга с прибавлением домашнего лечебника и домашнего секретаря», «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевой», «Экономический лексикон, расположенный по алфавиту» (16). Повествование Екатерина Алексеевна выбрала в жанре записок, воспоминаний. Рассказы располагают к доверию сочинительнице, в воспоминания органично вписываются и словарь устаревших местных слов и изречений, и описание свадебных обрядов и песен, «жареные», как сказали бы сегодня, факты жизни сибирских обывателей.

У Екатерины Алексеевны Авдеевой-Полевой было пятеро детей: Александра (1808), Андрей (1809), Наталья (1813), Иннокентий (1814), Петр (1815). Историки предполагают, что кое-кто из детей остался жить в Иркутске. Так, Ю. Душкину в делах Государственного архива Иркутской области (ГАИО) встречались документы, подтверждающие проживание Иннокентия Авдеева в середине XIX в. в приходе Чудотворской церкви. В одном авторитетном издании упоминается М. В. Авдеев как писатель и сын Екатерины Алексеевны. Что это: опечатка или повод для размышления и исследования?

Как бы там ни было, творчество Е. А. Полевой заслуживает пристального внимания и литературоведов, и историков. Не познав прошлого, мы не сможем построить достойного будущего.

На благодатной иркутской почве выросли еще два писателя семьи Полевых — Николай (1796—1846) и Ксенофонт (1801—1867). Николай оставил Иркутск полным надежд пятнадцатилетним подростком. Здесь прошли самые лучшие, беззаботные годы детства и юношества. В отеческом доме начали формироваться его взгляды на жизнь, литературу, искусство. К сожалению, Николай не имел систематического образования, был самоучкою, за что терпел жестокие нападки со стороны дворянской аристократии в течение всей своей жизни.

Читать его обучила в шесть лет старшая сестра Екатерина, а писать — позднее, вместе с Ксенофонтом, товарищ отца по Русско-Американской компании А. А. Титов. Затем братья брали уроки французской речи у ссыльного поляка Горского, а немецкого языка — у старого пастора Лютеранской церкви Беккера. Кроме того, у Николая был учителем ссыльный князь В. Н. Горчаков, прекрасно владевший несколькими языками и рисованием. Впоследствии, будучи взрослым, сформировавшимся человеком, Николай будет чувствовать недостаток образования в той или иной области знаний и восполнять пробелы самостоятельно.

Алексей Евсеевич стал привлекать сына к делам коммерческим, когда тому исполнилось десять лет, надеясь, что сын первенец пойдет по его стопам. Но Николая интересовала совершенно другое — литература.

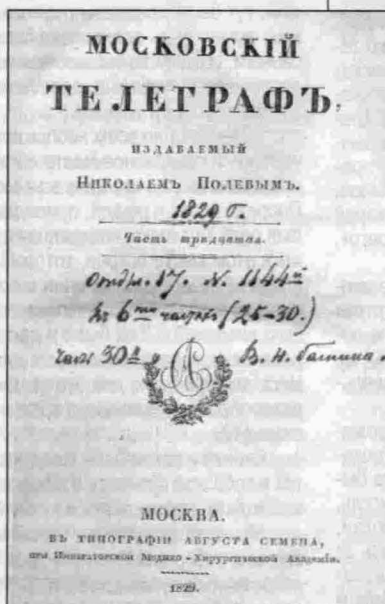
И немудрено. Е. А. Авдеева-Полевая так характеризовала иркутское общество: «Нигде я не видела такой страсти читать. В Иркутске издавна были библиотеки почти у всех достоянных людей, и литературные новости получались постоянно. Чтение — лучший просветитель ума, и соединение его с бытом чисто русским издавна образовывало в Иркутске общество, чрезвычайно оригинальное и вместе просвещенное. Там любят литературу, искренне рассуждают о разных ее явлениях и, могу прибавить, не чужды никаких новостей европейских» (17).

И «Николька» — так, скорее всего, называли домашние Николая, в юном возрасте прочитал «тысячу томов всякой всячины». Но этого оказалось недостаточным. И стали появляться в свет домо-

рошенные журналы «Азиатские Ведомости», «Друг России», «Друг Муз»; произведения «Брак царя Алексея Михайловича», «Бланка Бурбонская», «Петр Великий в храме бессмертия» и другие первые опыты стихов и прозы, не сохранившиеся для потомков.

Пока был жив отец, Николай пытался совмещать занятия коммерцией и литературой. В Курске он служил приказчиком у купцов Баушевых. Вспоминая тот период, Николай отмечал, что вел «двойную жизнь»: днем — финансы, ночью — литература. Результатом его деятельности было награждение серебряной медалью Российской академии наук за труды в области грамматики русского языка (1822), а также первая статья в настоящем журнале «Русский вестник» (1817), что и стало началом его литературной деятельности. С 1820 г. он всецело посвятил себя литературе, истории, философии, эстетике и другим гуманитарным наукам.

Известный русский критик В. Г. Белинский поставил заслуги Николая Полевого в один ряд с заслугами перед Отечеством М. В. Ломоносова и Н. М. Карамзина. Он сказал, что «...такие люди не часто являются, и гораздо легче попасть в доктора всех возможных наук, нежели сравниться с ними...» (18). Николай Полевой был выразителем умеренных взглядов нарождающейся тогда в России торговой и промышленной буржуазии. Он выступал сторонником поддержки развития промышленности (как финансовой основы государства) и просвещения: «истинное учение дает возможность преуспеть в своем деле». Рассвет государства, считал он, должен начаться с укреплением позиций «третьего сословия», с развитием буржуазных тенденций в экономике. Своей публицистикой, историческими сочинениями Полевой развивал политическое сознание представителей купеческого сословия и разночинной интеллигенции. Журнал «Московский телеграф», издателем которого стал Н. Полевой, начал выходить в год восстания на Сенатской площади. Многие молчали, а Поле-

вой писал, публиковал материалы о французской буржуазной революции, о национально-освободительном движении в странах Латинской Америки и Северо-Американских штатах. Он понимал, что революции совершаются в интересах целого народа, а не только «третьего сословия». Своими политическими взглядами, смелостью Николай Полевой приобрел репутацию опасного журналиста и писателя, врага царской России, хотя это и не соответствовало истине, так как даже в пору наибольшего своего радикализма он и не думал о коренных политических преобразованиях в России, полагая, что для этого «еще не настало время» (19).

Журнал «Московский телеграф» издавался в Москве в 1825–1834 гг. два раза в месяц. Он имел большой успех, знакомя читателя со всеми отраслями знания и искусств, даже мода имела в нем место. Н. Полевой первым создал тип русского энциклопедического журнала. Белинский назвал его детище лучшим в России от начала журналистики. «Такой журнал не мог бы не быть замеченным и в толпе хороших журналов, но среди мертвой, вялой, бесцветной, жалкой журналистики того времени он был изумительным изданием». По этому образцу позднее выпускались «Библиотека для чтения» Сенковского, «Отечественные записки» Краевского, «Современник» Некрасова и Панаева. Белинский писал, что Н. Полевой «никогда не negliжировал изданием своего журнала, каждую книжку его издавал добросовестно, обдуманно, не жалея труда и средств». По его мнению, Полевой владел тайной издательского дела и «был одарен для него страшною способностью» (20).

Если до издания «Московского телеграфа» в России насчитывалось на каждый журнал не более 300 подписчиков, то на этот было более 2 тысяч желающих. Главная идея Полевого, о том, что журнал должен быть популярным, — осуществилась. Журналист, по глубокому убеждению Н. Полевого, должен быть всей душой преданным делу, к тому же стать разносчиком вестей. Именно поэтому ни одна новость никогда не ускользала от его внимания. Из авторов в журнале печатались П. А. Вяземский, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, В. К. Кюхельбекер, Н. М. Языков, Ф. Н. Глинка, А. А. Бестужев-Марлинский, И. И. Лажечников, П. А. Словцов, Н. Я. Бичурин, А. И. Тургенев и др. Среди переводной литературы значились имена Э. Т. Гофмана, П. Мериме, Б. Константа, А. де Виньи, Ф. Купера, В. Скотта, В. Гюго, О. де Бальзака, Э. Сю и мн. др.

Полевой был глашатаям французского романтизма, который, в отличие от немецкого, был явлением прогрессивным. В. Гюго говорил: «Романтизм в поэзии — то же что либерализм в политике». До конца своих дней Полевой будет приверженцем романтизма, не понимая, что время идет своим чередом, а романтизм уступает место новому течению — реализму.

Кроме того, Н. Полевого привлекала идея развития философской системы Шеллинга, которая рассматривала мир в его единстве, многообразии, неделимости и изменчивости. Философией Шеллинга Николай Алексеевич заинтересовался еще до издания своего журнала. Он входил в «Общество Любимудрия», членами которого были В. Ф. Одоевский, В. А. Ушаков, И. В. Киреевский, М. Н. Погодин, С. А. Соболевский и др.

Литературные взгляды Полевого находятся в теснейшей связи с его историческими, проникнутыми идеей теории развития. Почему Н. Полевой критиковал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина? По его мнению, в ней нет историзма, нет народного духа, нет ретроспективы. Он считал, что история — это одно из важнейших знаний, и видел в ней философию опыта развития всего человечества, объективное отображение событий. Поэтому Полевой провозгласил Карамзина историком и писателем прошедшего времени, «придворным историографом». Критикуя Карамзина, Полевой написал свою «Историю русского народа», чем сыскал множество недругов: общество восприняло его критику Карамзина как рекламу собственного сочинения. Позднее Полевой выпустил «Русскую историю для первоначального чтения» в четырех томах (1835). Далее последовали крупные исторические работы: «Жизнь князя

италийского, графа Суворова-Рымникого» (1843), «История Петра Великого» в четырех частях (1843), «История Наполеона» в пяти томах (1844–1848), «Русские полководцы» (1845), «Столетие России с 1745 до 1845 года» в двух частях (1845–1846). Он написал и издал несколько повестей о Древней Руси: «Повесть о Буслае Новгородце», «Клятва при гробе господнем. Русская быль XV века» (1832), рассказы о крестьянском и купеческом быте: «Мешок с золотом» (1829), «Сохатый» (1830), «Рассказы русского солдата» (1833–1834), повести «Блаженство безумия» (1833), «Эмма» (1834), «Мечты и жизнь» (1834), роман «Аббадонна» (1834) и др. Простота и ясность в изложении, изящный слог, глубокое и искреннее чувство любви к России отличают все эти произведения.

«История в высшем знании не есть складно написанная летопись, не есть пустое средство удовлетворить любопытство наше: она есть практическая проверка философских понятий о мире и человеке, анализ философского синтеза», — писал Н. Полевой (21).

Полевым написано множество критических статей, которыми он по праву гордился, являясь десять лет возмутителем спокойствия в литературных кругах. В критике он стал вводить принцип историзма и первым обратил ее на все современные важнейшие предметы. Журнал Н. Полевого имел сильнейшее влияние на литературу того времени.

Полевой много переводил с французского, немецкого, английского, в том числе им сделан для театра один из лучших переводов «Гамлета» В. Шекспира. Им написано более 40 пьес, причем множество бенефисных — бесплатно. Николай Алексеевич был горячим патриотом России, бессребреником, именно поэтому таким тяжелым было его материальное положение.

Соратником Н. Полевого по «Московскому телеграфу», лучшим другом и помощником, бравшим всю черновую работу на себя, был его брат Ксенофонт, который оставил удивительные воспоминания — «Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого» (СПб., 1888).

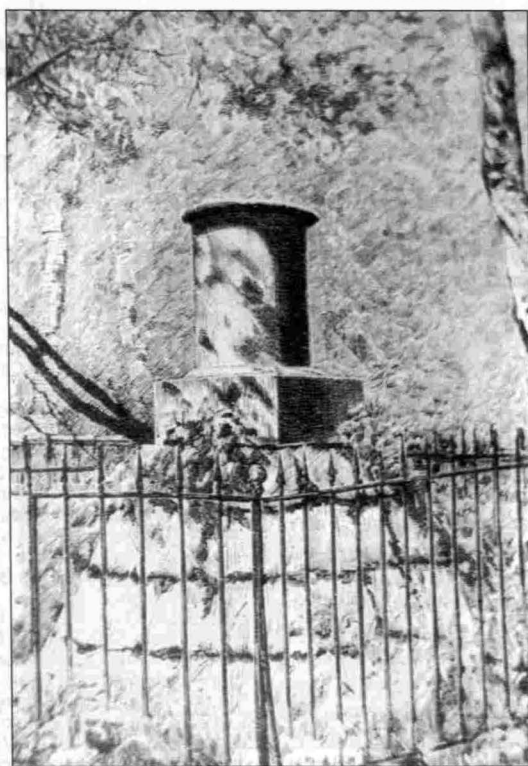
Ксенофонт Полевой уроженец Иркутска. Образование получил домашнее. Он считается основателем нового жанра в литературе — художественной биографии. В 1836 г. вышла в свет его двухтомная биография «Михаил Васильевич Ломоносов». По мнению В. Г. Белинского — это самое значительное произведение К. Полевого.

Ксенофонт Алексеевич Полевой был также хорошим критиком, и некоторые исследователи считают, что в этом жанре он даже иногда превосходил Николая.

Кроме того, Ксенофонт Полевой редактировал первый в России иллюстрированный журнал «Живописное обозрение» (1835–1837), который издавал Н. Полевой. Во всем поддерживая брата, К. А. Полевой после закрытия «Московского телеграфа» сотрудничал в «Северной пчеле» Ф. В. Бул-

гарина и Н. И. Греча. Он занимался также книгоиздательством и торговлей. Интересен запрос министру народного просвещения о дозволении Ксенофонту Алексеевичу Полевому — учителю русской словесности в Константиновском кадетском корпусе — продолжать издание сборника «Живописное обозрение» с изменением названия на «Живописная русская библиотека» (1855). Кроме прочего, К. Полевой просил нового министра народного просвещения приложить к этому журналу в 1859 г. книгу — мемуары о жизни и деятельности его брата, Николая Алексеевича Полевого. Переписка длилась несколько лет, наконец, в 1858 г. цензурой было разрешено издавать обновленный журнал (22).

А вот Н. Полевому так «не везло». После закрытия «Московского телеграфа» найти работу даже под псевдонимом оказалось очень нелегко. Начальник Третьего отделения Императорской канцелярии граф А. Х. Бенкендорф и министр народного просвещения С. С. Уваров были первыми гонителями Н. Полевого, так как считали, что у него «неблагонадежен образ мыслей» (23) и даже если Полевой напишет «Отче наш», то это будет возмутительно. Поэтому на запрос в 1840 г. о чтении публичных лекций по российской словесности Н. А. Полевого были отказаны. «Полагаю, что литератору Полевому неудобно дозволить читать публичные лекции», — писал А. Х. Бенкендорф С. С. Уварову (24).

Могила Николая Полевого на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге. Рис. Первухина

Оба брата умерли в совершенной нищете. Свидетелем похорон Н. А. Полевого был И. В. Лохвицкий, который сообщал, что известного писателя, журналиста, издателя похоронили в обычном халате, в дорогах без верха, на совершенно исхудалых лошадях, ребра которых просвечивали сквозь дырявые покрывала. Но проститься с покойным пришло столько народу, что ограда церкви при отпевании была переполнена. Впоследствии на могиле (на Волковом кладбище в Петербурге) был поставлен памятник, который существует до сих пор.

Николая Алексеевича Полевого много критиковали за его купеческое происхождение, называли самоучкою, писали на него памфлеты, рисовали карикатуры, сочиняли анекдоты, пели куплеты в Большом театре! А он продолжал образовывать публику лучшими литературными и историческими произведениями, сообщать ход самых интересных мировых событий: «Просвещение есть главнейшее основание благосостояния каждого государства, ибо оно составляет часть народного богатства более важную, нежели богатство вещественное. Оно есть невестственный капитал, без которого капитал вещественный не только мало важен, но совершенно ничтожен» (25).

После запрещения «Московского телеграфа» для Н. Полевого настали черные дни. Был запрещен не только журнал, а вообще фамилия «Полевой». Если к сказанному еще добавить, что он был отцом восьмерых детей, то вся картина безысходности встанет перед глазами (26). В Петербурге ему ничего больше не оставалось делать, кроме как сотрудничать с бывшими своими оппонентами Гречем и Булгариным.

Когда пишут или говорят об ошибках, совершенных в последние годы жизни Н. Полевым, то вспоминаются слова В. Г. Белинским, который говорил, что заслуги Полевого так велики, что нет ни сил, ни желания распространяться о его ошибках. Думаю, что прославленный критик правильно расставил акценты для последующих поколений.

В петербургских архивах потомком Н. А. Полевого историком П. М. Званцевым была найдена грамота, выданная из капитула Российских императорских орденов 25 июля 1831 г. члену Московского отделения мануфактурного Совета, второй гильдии купцу Н. Полезову в том, что он «в воздаянии примерной ревности его к общественной пользе, Всемилошествойше пожалован в 19 день июля 1831 года орденом Св. Анны третьей степени». Кроме того, в документах Министерства Императорского двора было обнаружено ходатайство директора Императорских театров И. Всеволожского о том, что в связи с 50-летием кончины бывшего начальника репертуара Санкт-Петербургских Императорских театров и драматического писателя князя А. А. Шаховского, а также 50-летия со дня кончины и 100-летия со дня рождения известного драматического писателя Н. А. Полевого, «коего произведения с громадным успехом исполнялись в первой половине текущего столетия и принесли немало выгод Дирекции, — было бы весьма желательно и справедливо оказать такое же внимание к памяти этих авторов, какое уже было оказано... Фон-Визину, Пушкину, Гоголю, Островскому... заказав их бюсты из бронзы, поместив таковые в фойе Александринского театра» (22 марта 1896 г.) (27).

Свидетельств того, были ли изготовлены и поставлены бюсты Шаховского и Полевого, мы пока не имеем. Но в «Воспоминаниях» А. Я. Панаевой рассказывается о казнокраде Крутицком, который умудрился похитить даже бронзовые статуи, украшавшие Александринский театр (28).

В феврале 1896 г. городской голова Иркутска получил письмо от сына Н. А. Полевого, писателя П. Н. Полевого, который просил городскую думу ознаменовать каким-либо добрым делом 50-летнюю годовщину смерти знаменитого уроженца Иркутска. Дума, в свою очередь, решила присвоить имя Николая Алексеевича Полевого «первому же начальному городскому училищу, которое в будущем будет открыто в городе Иркутске» (29). Однако в дореволюционном Иркутске училища с именем Полевого так и не открылось. Но удивительно совпадение: спустя 100 лет, в 1996 г., в связи с завещанием городу семейной библиотеки Леонидом Сергеевичем Полевым (США) Иркутская дума принимает решение об открытии Гуманитарного центра — библиотеки имени семьи Полевых. Открытие состоялось в 1997 г. К его открытию «руку приложил» наш земляк, писатель Марк Давидович Сергеев. Он неоднократно был в США, общался с Л. Полевым и убедил передать библиотеку малой родине Николая и Ксенофонта — Иркутску. Сегодня гуманитарному центру уже пять лет. К первой круглой дате приурочено открытие музейной экспозиции, охватывающей этапы жизни и деятельности, литературное наследие семьи Полевых.

Творчество Николая, а особенно Ксенофонта Полевого до конца еще не изучено и не оценено. Как отмечал В. Г. Белинский, «Полевой еще ждет и, может быть, не скоро дождется истинной оценки, но он дождется ее, и имя его навсегда останется в истории русской литературы и в признательной памяти общества» (30).

Николай Полевой нежно любил свою малую родину Сибирь. Его перу принадлежит лирическое и прекрасное обращение к Сибири, которое способно взволновать душу любого человека, а особенно иркутянина. «Ты не забыта мною, моя далекая родина, Сибирь, богатая золотом, дремучими лесами, морозами и дивными явлениями природы. Как первые мечты юности, как любимые игры детства, я помню твои вековые кедр, твои безмолвные пустыни, переломленные веками утесы и ущелья гор и твою безмерную, глубокую, как глаза сибирской девы, светлую, как глыба льда, Ангару, на берегах которой беспечно, весело и быстро пролетели дни детства моего. Дивитесь странностям человеческого сердца: я много видел с тех пор, как в последний раз с надеждами, с мечтами на будущее — еще юный, еще полный жизни глядел на Иркутск, над которым великолепно восходило солнце и золотило лучами своими синие воды Ангара и зеленые берега Иркутска... Много времени минуло тому; мною душа моя слышала горя и радости... Но где бы я ни был... — нигде, нет, нигде уже не волновалась душа моя, не билось так сильно сердце мое, не горела так пламенно голова моя, как там в дикой моей родине...» (31).

Примечания

1. Письмо Полевого Л. директору Гуманитарного центра — библиотеки им. семьи Полевых Малаевой Г. Б. 2000 г.
2. Полевой Б. П. О происхождении фамилии Полевые // Вести. 1999. 5 мая. С. 3.
3. Душкин Ю. Семья Полевых в Иркутске // Камени. 1996. № 2. С. 68.
4. Там же.
5. Душкин Ю. Курсины в Иркутске // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 13.
6. Полевой К. А. Записки. СПб., 1888. С. 12.
7. Шемякина С. Е. Декоративно-прикладное искусство Иркутска. XX век. Рукопись.
8. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032 — 1882 гг. Сургут, 1993. С. 200—201.
9. Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 1. С. 245—246, 253.
10. Авдеева-Полевая Е. А. Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 19—20.
11. Полевой Н. А. Мешок с золотом. Иркутск, 1991. С. 531.
12. Полевой К. А. Записки. С. 12.
13. Там же.
14. Калашников И. Т. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. С. 271.
15. ГАИО. ф. 308, оп. 1, д. 335, л. 2.
16. Авдеева-Полевая Е. А. Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842; Она же. Записки и замечания о Сибири с приложением старинных русских песен // Записки иркутских жителей. С. 125; Она же. Воспоминания об Иркутске // Отечественные записки. 1848. Т. 59. С. 125—148; Она же. Еще отрывки моих воспоминаний // Сын Отечества. 1840. Т. 2. С. 803—832; Она же. Русский песенник, или Собрание лучших и любимейших песен, романсов и водеvilных куплетов известных писателей. СПб., 1848; Она же. Поваренная книга русской опытной хозяйки // Вы ждете гостей. Иркутск, 1990. С. 348—395; Она же. Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьею Степановной Черельевой. СПб., 1844; Она же. Экономический лексикон, расположенный по азбучному порядку. СПб., 1848.
17. Цит. по: Сергеев М. Д. Иркутский отец «Московского телеграфа» // Полевой Н. А. Мешок с золотом. С. 567.
18. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 3. С. 147, 171.
19. Очерки истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 257.
20. Белинский В. Г. Указ. соч. С. 162, 163 — 168.
21. Евгеньев-Максимов В. Е., Березина В. Г. Николай Алексеевич Полевой: Очерк жизни и деятельности. 1846—1946. Иркутск, 1947. С. 66.
22. РГИА, ф. 777, оп. 2, д. 76, л. 24—24 об.
23. Там же, ф. 735, оп. 2, д. 196, л. 1—5.
24. Там же.
25. Полевой Н. А. Речь о купеческом звании. Цит. по кн.: Орлов В. Пути и судьбы. Л., 1963. С. 203.
26. Семейство Н. Полевого состояло из жены — Натальи Францевны Терренберг и детей — Владимира, Никополиона, Сергея, Алексея, Петра, Елизаветы, Натальи и Анны.
27. РГИА, ф. 1343, оп. 39, д. 3776, л. 10.
28. Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1956. С. 391.
29. Известия Иркутской городской думы. 1896. № 7. С. 178—179.
30. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1995. Т. 9. С. 582.
31. Полевой Н. А. Мешок с золотом. С. 531.